

Мой сын влюбился в нее, когда ему было семь лет

Слава — дама своеобразная, прихотливая, порой не знаешь, откуда нагрянет. Скажем, легендарная женитьба сына — оставит ли она публику безразличной к отцу? Конечно, нет. Тем более что он и сам по себе человек небезынтесный.

Легкий иностранный акцент совсем не диссонирует с какой-то волжской веселой статьёй Бедроса Киркорова — большого красивого человека, без намека на "зарубеж".

— Бедрос... простите, как ваше отчество?

— У нас, болгар, нет отчества. Обращение без отчества делает контакт более интимным, согласитесь. Бедрос — и все.

— Замечательно! Бедрос, для усугубления интимности: можно немного о себе?

— Родился в Варне, в рабочей семье. Отец — сапожник, мать — портниха. Окончил музыкальное училище. Немного поработал в оперном театре у нас в Варне и ушел в армию. Два года — на границе, потом год солистом в армейском ансамбле.

— А сколько вам лет?

— Шестьдесят четыре.

— Вот уж не скажешь!

А как вы запели в России?

— В 62-м году по конкурсу приехал учиться в Москву, в консерваторию. Но там мне сказали: у вас с голосом нет проблем, чего терять время в консерватории, тут рядом институт театральный — попробуйте! Тем более что там сейчас набирает класс Борис Александрович Покровский. И я пошел в ГИТИС. Прослушался — и меня приняли сразу на второй курс, отделение музыкальной комедии. Во время учебы много выступал, сотрудничал с разными оркестрами. Например, как вокалист работал с оркестром Всесоюзного радио и телевидения под управлением Юрия Васильевича Силантьева.

— Словом, хороша страна Болгария, но Россия лучше всех?

— Россия была добра ко мне. В 64-м во время студенческих летних каникул меня пригласил в свой оркестр Эдди Рознер. Поехал с ним в Сочи на гастроли. Там на концерте познакомился с будущей женой.

— И с будущей мамой Филиппа?

— Ну да.

— Кем она была в то время?

— Она никем не была. Она в зрительном зале сидела.

— И тут вы прочно осели в Союзе...

— После окончания института остался в Москве, меня принял в свой оркестр Утесов. Там начались выездные проблемы: как иностранцу мне не позволялось ездить во многие города Советского Союза.

— А какое у вас гражданство?

— Болгарское.

— По сей день?

— По сей день болгарское.

— Но живете все время в России?

— Живу все время в России.

— Сколько у вас детей, Бедрос?

— Один, Филипп, в шестьдесят седьмом году родился.

— Вы думали о том, что он станет тем, кем стал?

— Ни в малейшей степени. Но с пятилетнего возраста мы с женой стали брать его на гастроли.

— Жена тоже начала работать с вами?

— Утесов как режиссер

сделал мне программу, где жена была ведущей.

— И так, вы стали брать пятилетнего сына с собой...

— Он сформировался в нашей среде, у него появились любимые артисты — слушал их и по десять, и по двадцать раз. Вырастая, все больше увлекался эстрадой. Слушал пластинки, которые мы привозили с собой, — курочка по зернышку клюет!

— Филипп близок с вами? Делится? Может быть, плачется в отцовское плечо?

— Теперь у него есть весьма достойный помощник и советчик. Он слушает жену, но если надо, бывает и непреклонен.

— То есть некоторая отдаленность женившегося сына все же имеет место?

— Нисколько. Мы живем в одном доме, в одном подъезде, только этажи разные. Так что он не отдалился, а как раз наоборот.

— Они с Аллой Борисовной оставили знаменитую квартиру на Тверской?

— Теперь они живут на Земляном валу.

— У вашего сына появился наставник, о котором можно только грезить.

— В эстрадном искусстве очень важно, чтобы со стороны был глаз. Тем более настолько осведомленный. Поэтому что нам в самооценках свойственно обманываться. Зритель встречает какую-то

песню "на ура!", и мы думаем: ага, попался, голубчик! Но иногда это просто мираж.

— И успех рассеивается как дым...

— Да, Потому что в эстраде очень сложно удержаться на гребне. Нужно постоянно что-то искать и менять. Ведь ты не классический певец, который выучит две-три оперные партии и уже "Травиату", скажем, по-другому не споет. А в эстраде то и дело меняется ритм, меняется мелодика. Бывает очень трудно удержаться. Достигаешь какого-то потолка и... катишься вниз. Были же звезды, так по-настоящему и не засверкавшие. Был Ободзинский с его прекрасным голосом. Был Мулдерман. Где они?

— Бедрос, вы в какой-то степени предвосхищаете вопросы, отсутствия которых читатель нам не простит. Скажите, как зарождалось чувство вашего сына? Вы были свидетелем или для вас все стало неожиданностью?

— Чувство зарождалось тогда, когда ему было семь лет, когда он ее в первый раз услышал на "Золотом Орфее" в семьдесят пятом году.

— Ну! Такого-то рода чувство у меня тоже зародилось, и еще у миллионов пацанов!

— Но он просто "заболел" ее творчеством. Все ее записи были у нас дома, все плакаты. А потом, поработав в ее театре, он, уже зрелый мужчина, понял, что чувство вышло

за рамки творческого поклонения. И открыл ей свою любовь. И она откликнулась.

— Вы все видели, знали?

— Да, да. Мы все видели и знали. Мать, уже тяжело больная, сказала: "Я теперь могу спокойно умереть, зная, что есть Аллочка". И, как говорится, благословила. Хотя в газетах промелькнуло, что якобы мать умерла оттого, что он женился на Алле. Будто бы это был непоправимый удар для матери. Ничего подобного, вранье!

— Вы производите впечатление джентльмена благородных консервативных взглядов. Разница в возрасте молодых вас не смущает?

— Нисколько. Помните поговорку: вам столько лет, насколько вы себя чувствуете? Какая там разница! Тринадцать — четырнадцать... ну семнадцать лет! Главное, чтобы они были счастливы.

— А как вы себя ощущаете в роли свекра примадонны?

— Превосходно. Она очень общительная женщина, очень сердечная и милая. Дома не чувствуется, что это звезда элитарной величины.

— Вы ходите друг к другу в гости?

— Она иногда звонит: "Папочка, я сделала бульон! Приходи". Или там борщ. Знает, что я сам ничего не готовлю.

— Диковато звучит: "Пугачева — готовит", честное слово!

— Да, она хозяйка. Хотя есть домработница, но некоторые вещи она любит делать сама.

— У каждой хозяйки есть свои маленькие секреты...

— Разумеется, и я не буду их открывать. На то они и секреты. В магазине она, конечно, не ходит, сами понимаете. Продукты привозит, домработница ходит в магазин. А она дает указание: сегодня сделать то-то и то-то.

— Все же дома не ощущается, как бы это сказать... сияния?

— Дома она не звезда, дома она себя не делает.

— Ходит в домашнем халате?

— Да, в домашнем халате. Ну причислена хорошо, приглажена.

— У них с Филиппом бывают маленькие семейные размолвки?

— Нет. Не знаю. Если будут, они мне не скажут. Чтобы не расстраивать меня. Со всем без споров, конечно, не бывает — чтобы совсем гладко. Но для меня это незаметно, все нормально.

— Вы живете в своей квартире один?

— Один.

— Такой деликатный вопрос: сын помогает вам материально?

— Мне незачем помогать, мне всего достаточно.

— Не собираетесь ли стать дедушкой? Вот опять же будоражащие слухи ходят...

— Нет, пока нет.

— Можно успокоить народ?

— Вполне.

Беседовал
Виктор ГАЛАНТЕР.
Фото Виктора
СМОЛЪЯНИНОВА.